

АУГСБУРГСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ МИР 1555 Г. И ПОЛОЖЕНИЕ СЕКУЛЯРИЗОВАННЫХ ВЛАДЕНИЙ В БРАНДЕНБУРГЕ^{1,2}

Аугсбургский религиозный мир 1555 г. не прекратил конфликты в этой сфере. Борьба конфессиональных партий обострялась из года в год всё больше. Нерешительная политика саксонского курфюрста Иоганна Георга, вождя князей-лютеран, затрудняла его возможное сближение с князьями-кальвинистами [2, с. 342].

Сам вопрос установления религиозного мира звучал в статьях этого договора неясно и двусмысленно. Он заключался между католическими и лютеранскими чинами Империи, что означало признание лютеранской конфессии. При этом не были четко сформулированы критерии принадлежности к лютеранскому вероисповеданию. На момент подписания мира существовали острые разногласия между евангелическими богословами по вопросу истинности двух формул Аугсбургского вероисповедания: «неизменной», написанной Лютером в 1530 г для диспута с католическими чинами на рейхстаге («*Confessio Augustanainvariata*») и «измененной», опубликованной в 1540 г. в редакции Меланхтона («*Confessio Augustanavariata*»). Поэтому было принято решение подразумевать под представителями евангелической конфессии лиц, исповедующих собственно Аугсбургскую формулу веры 1530 г. и «конфессионально родственных им членов». Эта последняя формулировка была призвана отразить всю сложность протестантских течений, давая возможность подразумевать под «родственными членами» в том числе и сторонников меланхтоновской редакции 1540 г., имевшей общие тезисы с кальвинистской доктриной [4, с. 64-65].

Другие протестантские вероисповедания были выведены за рамки договора 1555 г. и на них не распространялось действие этого соглашения. Отказ узаконить кальвинистскую конфессию в сочетании с неясностью правового определения лютеранства готовил почву для будущего конфликта. Вместе с тем был создан прецедент, позволявший впоследствии кальвинистам пытаться легитимировать свое место в системе имперского мира, ссылаясь на туманность формулировки «родственные члены Аугсбургской конфессии» [4, с. 65, 68-69].

Католики стремились добиться в статьях договора гарантии для тех церковных владений, которые еще оставались у них в руках. Следствием подобных стремлений стало появление в тексте договора т. н. «духовной оговорки» [4, с. 66]. Согласно ст. 18 Аугсбургского религиозного мира (т. н.

¹Статья подготовлена за счёт средств гранта РГНФ №14-01-00270

² Публикуется в авторской редакции.

«духовная оговорка») если архиепископ, епископ, прелат или какое-либо иное духовное лицо католической религии откажется от нее, то их бенефиции со всеми их доходами должны быть оставлены ими. После этого должно быть избрано лицо, исповедующее старую религию [1, с. 118-119].

Лютеранские чины опасались, что католические власти, используя «духовную оговорку», попытаются принудить к переходу в католицизм, в том числе и светских подданных в имперских епископствах и аббатствах. В качестве компромисса римский король Фердинанд объявил в устной форме гарантии для лютеранских подданных католических духовных княжеств. Была составлена т. н. «Декларация Фердинанда». Она распространялась на религиозные права для земельного дворянства и городских общин католических духовных территорий. Но «Декларация» в отличие от «духовной оговорки» не была включена в текст соглашения, тем самым, она лишалась статуса имперского закона [4, с. 68].

Ст. 19 Аугсбургского мира санкционировала только те секуляризации, которые были осуществлены до договора в Пассау (1552). В то же время в ст. 15 стороны обязывались не чинить никакому чину Империи никакого насилия или зла по поводу аугсбургского исповедания, но предоставят им в мире придерживаться своих религиозных убеждений, литургии и обрядов, равно как пользоваться и своим состоянием и другими правами и привилегиями. Также имперские чины аугсбургского исповедания не будут мешать всем чинам и князьям, придерживающимся старой религии, жить в полном мире и пользоваться всеми их состояниями, правами и привилегиями [1, с. 118-119].

Пока протестанты были сильны, они осуществляли приемлемое для них толкование этих статей и после 1555 г. многие епископства и монастыри оказались секуляризованы. В конце XVI в. позиции католиков укрепились. Они стали поднимать требования о реституции отчуждённого церковного имущества. Особенно усилилось давление католиков в правление императора Фердинанда II в условиях начавшейся Тридцатилетней войны. После победы при Белой горе были приняты меры по насаждению католицизма в Богемии [5, S. 2].

Эти события встретили настороженное отношение курфюрста Бранденбурга Георга Вильгельма, бывшего кальвинистом. Уже в 1623 г. слышались требования возврата духовных владений в верхнесаксонском и нижнесаксонском округах. Протестанты пока ещё верили, что до этого не дойдёт. Ещё в 1620 г. в Мюльхаузене им было дано такое обещание. При этом сохранялась угроза постепенной рекатолизации соборных капитулов в секуляризованных епископствах [5, S. 3-4].

Католическая сторона принимала меры для занятия должностей каноников. Они входили в состав соборных капитулов в епископствах - имперских чинах, где император пользовался правом выставлять кандидатуру на свободную будущую пребенду. Если католическая партия достигнет большинства в капитуле, то после выборов епископа территория епископства могла вновь перейти римской церкви. Однако, до этого пока не

доходило. Но, протестантство всё меньше оказывалось способным отражать проникновение папистских элементов в евангелические капитулы. Хальберштадт, капитул которого был подвержен растущему папистскому влиянию, мог стать исходным пунктом для императорско-католического вторжения в северо-восточные протестантские епископства. Хальберштадт был имперским чином, т. е. непосредственным ленником императора, но Бранденбург фактически управлял этой территорией[5, S. 4-5].

В августе 1624 г. император одновременно передавал основную пребенду в соборных капитулах Бранденбурга и Гавельберга Маттиасу фон Хюнике, восьмилетнему сыну Хальберштадтского каноника Иоганна Альбрехта фон Хюнике. Иоганн Альбрехт был католическим каноником архиепископства Хальберштадт. На него делал ставку император против его евангелической главы. Теперь предполагалось использовать и его несовершеннолетнего ребенка. В Гавельберге каноники были достаточно осторожны и советовались с курфюрстом, бранденбургские же, напротив, дали себя запугать. Император потребовал, чтобы они действовали «без какого-либо возражения» под угрозой санкций. Выполнение этого решения было возложено на архиепископа Майнцкого как императорского уполномоченного. Каноники Бранденбурга согласились повиноваться императорскому приказу [5, S. 5-6].

В это время курфюрст Георг Вильгельм как раз собирался присоединиться к противникам Габсбургов и выступил против уступчивости главы Бранденбургского капитула незаконным притязаниям. Курфюрст посчитал эти действия императора ограничением его сюзеренитета, хотя бы и в отношении имперского чина. Поэтому курфюрст, хотя и принял Хюнике как будущего каноника, но запрещал в будущем предпринимать что-либо похожее. Члены капитула в покаянном письме просили прощения у Георга Вильгельма, поскольку, как они отмечали, были захвачены врасплох и допустили свой проступок по неосведомленности, а не по злему умыслу. В дальнейшем попытки вмешательства в занятие пребенд в бранденбургских епископских пресекались. Представления, которые Хюнике направлял лично курфюрсту, отклонялись[5, S. 6-7].

В конце 1626 г. курфюрст Георг Вильгельм уехал в Пруссию, и управление бранденбургской Маркой перешло канцлеру доктору Прукманну вместе с тайными советниками фон Гёцом, Штрипе и Винтерфельдтом. Маркграф Сигизмунд в 1627 г. был назначен наместником курфюрста. Под влиянием своего премьер-министра католика графа Шварценберга, Георг Вильгельм стал искать возможность присоединения к габсбургскому блоку. В связи с этим он изменил отношение в бранденбургском споре о пребендах. (с. 7) Теперь курфюрст объявил о своей готовности допустить Хюнике к сану и должности каноника в Бранденбургский соборный капитул, добавляя, при этом, что это произошло вследствие его свободного решения без влияния императора [5, S. 7-8].

В Вене убедились в слабости Георга Вильгельма. Кроме того, эта уступка произошла в самое неблагоприятное время, когда Валленштейн

оттеснил датчан далеко на север. Теперь императора ничего не сдерживало закрепить преобладание католицизма в Империи. Сразу после первого известия о поражении датской армии в битве при Луттере на совещании императора, баварского посланника и папского нунция Караффы был рассмотрен вопрос об общем восстановлении духовных владений в Империи [5, S. 8-9]. Уже осенью 1627 г. на съезде курфюрстов в Мюльхаузене католическая партия, вдохновляемая Караффой, сформулировала программу-минимум: для начала все духовные княжества и владения, секуляризованные после 1552 г., должны быть возвращены католикам. Тогда же, эта программа стала проводиться в жизнь императором. Он немедленно приказал ряду княжеств и городов вернуть секуляризованные духовные владения. Протестантские администраторы изгонялись из духовных княжеств и т. д. [3, S. 159-160].

Сразу после Мюльхаузенского съезда герцог Максимилиан Баварский направил специального посланника барона Прейсинга в Вену, чтобы согласовать планы реституции. Предлагалось вернуть секуляризованные епископства и архиепископства католикам и запретить кальвинизм, „как мятежную, кровожадную секту“. Эти предложения встретили полную поддержку. В начале 1628 г. император направил графа Траутмансдорфа в Мюнхен, чтобы заручится поддержкой герцога Баварского в случае издания соответствующего эдикта. Участники католической лиги проявляли нетерпение, и император уступил их требованиям: 13 сентября 1628 г. из представителей католических чинов была создана группа по разработке эдикта. Через 6 недель проект был готов [5, S. 9-10].

О начале разработки эдикта узнали в Кёльне-на-Шпрее (далее – Кёльн). Епископам и другим прелатам уже летом 1628 г. были сообщены императором основные положения будущего эдикта. Реституции подлежали земли, занятые после заключения договора в Пассау, в течении трех месяцев. Чтобы это осуществлялось безотлагательно, в отдельные имперские округа направлялись по одному аристократу-католику с одним или 2 заседателями. Контроль за исполнением эдикта предлагалось возложить на президента военного совета Колальто. Соответственно он располагал необходимыми войсками. Эта информация в основном соответствовала действительности [5, S. 11].

Канцлер Прукманн дал указание бранденбургскому агенту при Венском дворе Матиасу Ребнику информировать его обо всех осложнениях. Прукманн и Штрипе встретились с князем-кальвинистом Кристианом Анхальтским. По его мнению, со времен богемского восстания ненависть католиков к кальвинистам всё более усиливается. Католики трактуют религиозный мир таким образом, что те, кто не стоит на позиции формулы *invariata* 1530 г., не считается „родственным Аугсбургскому вероисповеданию“. Кальвинизм должен быть запрещён, а его приверженцы – изгнаны из страны. Тем не менее, Георг Вильгельм думал, что коллеги-курфюрсты не тронут его из-за вероисповедания. Курфюрст Бранденбурга считал, что не принадлежит к настоящим кальвинистам, так как в его

владениях было оставлено нетронутым лютеранство, несмотря на принцип Аугсбургского религиозного мира – *cujus regio, ejus religio* [5, S. 13-15].

В октябре 1628 г. одновременно в Пруссии и в Кёльне было получено сообщение о том, что решение об издании Реституционного эдикта принято. Сообщение это было отзвуком императорского приказа от 13 сентября о составлении декларации о религиозном мире. Распространялся разработанный в Вене список церковных владений, подлежащих реституции, в который входили также 3 бранденбургских епископства Гавельберг, Бранденбург и Лебус. Граф Шварценберг по поручению курфюрста имел беседу при императорском дворе с одним иезуитом о возможной реституции монастырей и епископств. Иезуит определенно подчеркнул, что Гавельберг, а также Каммин, на который претендовал курфюрст после смерти последнего померанского герцога, должны быть возвращены римской церкви, поскольку были противозаконно изъяты. Кёльнские советники должны были принять меры по недопущению возврата церковных владений. Для этого у них оставалось мало времени. Теперь и Георг Вильгельм почувствовал угрозу. К концу октября он поручил своим кёльнским советникам основательно проработать вопрос секуляризации Каммина и Гавельберга. Вскоре такое же поручение было дано в отношении других бранденбургских епископств и монастырей. Из Вены продолжали поступать неутешительные известия о планах восстановления Тевтонского ордена на территории герцогства Пруссия [5, S. 17-18].

Непосредственно исследованием о секуляризации епископств занимался Прукманн. В начале декабря канцлер ознакомился с состоянием дел в архиве. Настоящая регистрация дел существовала только в течении 30 лет, более ранние дела были неупорядочены. Поэтому Прукманн мог устанавливать события по данным „Бранденбургской хроники“. Исходя из неё, секуляризация произошла в 1542 г., когда курфюрст Иоахим II находился в качестве имперского полководца в Венгрии. Но, признают ли авторитет летописца в Вене? Соответствующие доказательства должны быть предоставлены владельцам, если они будут подтверждать свои права в имперском верховном суде. Однако аргументы были слабыми. Сколь долго не рылись в пыльных делах, результат, по-прежнему, оставался незначительным. Нигде не были обнаружены ожидаемые письменные соглашения курфюрста Иоахима с владельцами епископств и монастырей [5, S. 19-20].

Накануне нового 1629 года от бранденбургского агента из Вены пришло сообщение о том, что граф Михна получил задание посетить занятые католической армией Тилли Гессен и Брауншвейг для того, чтобы руководить реституцией зависимых от Богемии ленных владений, а затем заняться другими территориями. Для Бранденбурга это было поводом для самых тяжелых опасений. Многочисленные бранденбургские территории Кроссен, Цюллихау, Боберсберг, Котбус и другие находились первоначально в ленной зависимости от короны Богемии. На них претендовали двоюродные братья курфюрста, находившиеся на императорской службе. Ещё в 1626 г.

Вена расценивала Кроссен как часть Силезии, относящейся к богемской короне. В этих претензиях таились планы реставрации католицизма, как и в подвластной Силезии. Поэтому Георг Вильгельм приказал установить принадлежность Кроссена по архивным документам. Однако, состояние архивов было плачевным. В Берлине имелись кое-какие документы о налоговом споре, случившимся во время правления императора Фердинанда I, между Силезией и Бранденбургом по поводу Кроссена. Этот спор состоял в том, что Марка не выполнила нужные платежи, поэтому советники полагали обоснованным владение Кроссеном в силу обычая. В Вене, однако, требовали ясных доказательств, а не вероятных расчетов [5, S. 20-21].

В ноябре 1628 г. депутаты кроссенских сословий сообщали, что у них должны были быть расквартированы лихтенштейновские драгуны. Они должны были притеснять Кроссен, как и протестантов Силезии. В январе 1629 г. вновь повторились слухи о том, что, якобы, Ганнибал фон Дона, палач силезской контрреформации, послал войска в Кроссен. Слухи имели под собой основания и бранденбургские советники со страхом поглядывали на юго-восток страны. Сообщалось, что в марте в силезский нижний Лаузиц должны войти императорские войска подполковника Биндауффа. В Кроссене некто Цедлиц пытался прогонять евангелических священников и обращать жителей в католическую веру. Поэтому власти от имени маркграфа Сигизмунда предостерегли Цедлица от попыток реставрации католицизма [5, S. 21-23].

На западе курфюршества базой для наступления католиков стало епископство Магдебург. Каспар фон Квестенберг, аббат монастыря Страхов в Праге появился в феврале 1629 г. в Магдебурге для возврата бывшего монастыря ордена премонстрантов. Реституция приняла более быстрый характер. Успехи, достигнутые Квестенбергом в Магдебурге, частично объясняются слабостью протестантства. 5 каноников из членов капитула перешли на сторону католиков. Затем Квестенберг отправился в Ерихов, чтобы там также вернуть монастырь, принадлежащий ордену премонстрантов. Здесь его приветствовало несколько бранденбуржцев. Среди них был старший пастор собора фон Бредов – сторонник императорской партии. Квестенберг прямо заявил Бредову о возврате монастырей в Лехнине, Лейцкау, Грамцове и Голдбеке, которые были секуляризованы после договора в Пассау, и о том, что будет добиваться перехода премонстрантами бранденбургского собора [5, S. 23-24].

Квестенберг развернул свою деятельность на всю бранденбургскую марку. Он обратился к владельцу монастыря в Лейцкау Хильмару Мюнхаузену с требованием вернуть его. Предку Мюнхаузена продал монастырь маркграф Иоганн. Если владелец пойдет навстречу, то Квестенберг обещал предоставить даже некоторое возмещение, в противном случае он вернёт имущество в судебном порядке, потребовав при этом компенсацию полученных доходов монастыря [5, S. 24-25].

Квестенберг заявил права премонстрантов на монастырь в Лехнине, хотя он принадлежал цистерцианцам. Аббат пошёл на такой обман, видимо,

предполагая полный беспорядок курфюршеских архивов. Но, по Лейцкау удалось документально подтвердить, что в 1544 г. во главе епископства стоял управляющий курфюрста. Следовательно, задолго до договора в Пассау епископство было секуляризованным. Принадлежал ли Лейцкау к ордену премонстрантов, сказать было нельзя из-за состояния архивов. Советники полагали, что Лейцкау никогда не было монастырем, а лишь резиденцией епископа Гавельберга. Поскольку архивы монашеских орденов находились в лучшем состоянии, чем бранденбургские, то неприятные неожиданности были ещё впереди. Действительно, вскоре император выдал доверенность аббату Якобу фон Кайзерхайму руководить реституцией монастырей от ордена цистерцианцев [5, S. 25-27].

В Кёльне советники не решались действовать самостоятельно, и запрашивали курфюрста. Через Шварценберга они хотели добиться осуждения действий Квестенберга с помощью его связей в Вене, в том числе и по делу Мюнхаузена. Георг Вильгельм разделял сомнения своих советников, но решил пока подождать. Конечно же, он даже сейчас подчеркивал, что не откажется ни от пяди своей земли, если бы даже применили силу. Он оставляет за собой и своими наследниками все средства для борьбы по возвращению похищенной собственности. Курфюрст предположил, что секуляризация духовных владений в марках состоялась перед договором в Пассау и в связи с этим должен предоставить своим вассалам защиту. По мнению Георга Вильгельма, Бранденбург в случае требования реституции должен оказывать пассивное сопротивление. Поэтому курфюрст уклонялся от дачи гарантий Мюнхаузену [5, S. 27-29].

В Империи господствовали войска Валленштейна. Датский король Кристиан терпел поражения. Покорность стала лозунгом везде и повсюду в протестантском лагере. Страх, что свобода вероисповедания будет уничтожена, проникал во все слои народа и вызывал глубокое возбуждение. Появились рассказы о привидениях и видениях. Посреди этой тягостной атмосферы распространялись всяческие предсказания о закате дома Габсбургов и папства и приходе спасителя с севера [5, S. 29-30].

1. Аугсбургский религиозный мир □(25 сентября 1555 г.) // Хрестоматия по истории средних веков/Под ред. Н. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. Т. 3. М., 1953.

2. Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время 1495 - 1806. Т. 1. М., 2004.

3. Поршнева Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976.

4. Прокопьев А. Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648. СПб., 2008.

5. Gebauer J.H. Kurbrandenburg und das Restitutionsedikt von 1629. Halle, 1899.